

Автор: Дэтлеф Хольц (Вальтер Беньямин)

Название: Два загадочных образа

Среди открыток, хранящихся в моей коллекции, было несколько таких, исписанная сторона которых, всплывает в моей памяти более четко, чем само изображение. На них была красивая, разборчивая подпись: Элен Пуваль. Так звали мою учительницу, «П» первая буква фамилии, напоминала мне «П» в словах «примерный», «пунктуальный», «превосходный»; «в» отзывалась как «верный», «великолепный», «виртуозный»; а «л» в конце всплывала в образе слов «ладный», «любезный», «любопытный». И если бы эта подпись, состояла только из согласных, как в еврейской письменности, она была бы не только примером совершенной каллиграфии, но и источником всевозможных добродетелей. Мальчики и девочки из лучших домов буржуазного запада посещали кружок фройляйн Пуваль. Здесь не было строгих правил, поэтому в кружке буржуазных деток оказалась и дворянка. Ее звали ее Луиза фон Ландау, и это имя вскоре пленило меня. До сей поры, оно остается для меня живым, но совсем не поэтому. Оно было первым среди имен моих сверстников, в котором я уловил акцент смерти. Это было, когда я уже вырос и перестал посещать кружок, поскольку учился в шестом классе. Всякий раз, оказываясь на Лютцовской набережной, я искал глазами ее дом. По совпадению, он находился напротив небольшого сада, который на другом берегу спускался почти к самой воде. Со временем это настолько тесно переплелось с любимым именем, что я окончательно поверил, что вот тот блистательный неприкосновенный цветник, - это кенотаф, пустая гробница маленькой покойницы. Фройляйн Пуваль сменил господин Кнохе. К этому времени я уже ходил в школу. Происходящее в классе в основном отталкивало меня. Но не судами, которые любил устраивать господин Кнохе, запомнился он мне, а своим даром провидца, предсказывающего будущее, что выходило у него довольно сносно. Шел урок пения. Мы разучивали «Песню всадников» из «Валленштейна»:

Коней оседлайте, друзья, веселей!

В походах нам – вольная воля!

Чего-то ты стоишь – сомненья развей!

И сердце там весит поболе.

Господин Кнохе добивался от класса, что означает последняя строка. Ответить никто, разумеется, не смог. Кнохе, однако, это устроило, и он объявил: «Поймете, когда вырастите». В то время берег взрослой жизни казался мне таким же оторванным от меня, как и берег отделенный от меня водами канала, берег на котором виднелся цветник, и где я никогда не бывал, поскольку на прогулках гувернантка водила меня за руку. Позже, когда никто уже не определял мой путь и сам я уже понял, в чем смысл «Песни всадников», порой доводилось

мне бродить поблизости от цветника на набережной Ландверского канала. Но теперь, казалось, он цвел реже. И об имени, которое мы вместе когда-то хранили в памяти, цветник помнил также мало – как и в строчке из «Песни всадников», теперь, когда я понял ее, оказалось мало того смысла, который должен был нам открыться, согласно предсказанию учителя пения господина Кнохе. Пустая могила и взвешенное на весах сердце – два загадочных образа, разгадки которых мне и впредь придется напрасно ждать от жизни.

Название: Мамрелен

В одном старом детском стишке шла речь о мамаше Релен. Имя Релен ничего мне не говорило, так что это создание превратилось у меня в призрак по имени Мамрелен. Это недопонимание перевернуло для меня мир. Впрочем, в хорошем смысле, оно обратило меня внутрь меня. Все, что угодно могло послужить толчком. Так однажды, как назло, в моем присутствии заговорили о медных гравюрах (*Kupferstich*). На следующий день я высунул голову из-под стула и это было *Kopferstich* (высовывание головы). Если я и искажал при этом и себя и слова, то только за тем, чтобы научиться ориентироваться в жизни. Со временем я научился обволакивать себя словами – облаками. Способность замечать сходство это, по сути, не что иное, как отголосок нашей древней тяги подражать и быть похожим. Во мне эта тяга пробуждалась через слова. Но только через те, которые выражали мою схожесть не с образцами нравственности, а с жилыми помещениями, мебелью, одеждой. И никогда с самим собой. Вот что порождало мою беспомощность при необходимости быть похожим на себя. Это произошло в фотостудии. Куда бы я ни посмотрел, я видел самого себя - окруженного складными ширмами, подушками и пьедесталами, которые жаждали моего изображения так же сильно, как тени Аида жаждали крови жертвенного животного. В конце концов мне был предложен грубо нарисованный вид на Альпы, и моя правая рука, которой приходилось размахивать детской шапочкой, отбрасывала тень на облака и снежные поля на заднем плане. Но вымученная улыбка на губах маленького альпиниста не так тревожна, как взгляд устремленный на меня с детского лица, лежащего в тени пальмы в горшке. Фото сделано в одной из тех мастерских, которые, с их скамеечками для ног и штативами, гобеленами и мольбертами - напоминают одновременно будуар и камеру пыток. Я стою там с непокрытой головой, моя левая рука держит гигантское сомбреро, которым я размахиваю с заученной грацией. В моей правой руке трость для ходьбы, изогнутая ручка которой видна на переднем плане, а наконечник утопает в кучке страусиных перьев, упавших со стола. Сбоку, у портьеры, чопорно стоит моя мать в своем облегающем корсаже. Словно фигурка портного, она

внимательно разглядывает мой бархатный костюм, украшенный тесьмой и выглядящий словно из модного журнала. Я был изуродован своим сходством со всем, что меня здесь окружало. Подобно моллюску в своей скорлупе, я обрел свое пристанище в девятнадцатом веке, который теперь лежит передо мной пустым, как пустая раковина. Я подношу ее к уху. Что же я слышу? Ни грохота полевой артиллерии, ни музыки балов Оффенбаха, ни воя заводских сирен, ни криков, разносящихся по бирже в полдень, ни даже топота копыт по булыжной мостовой, или музыки марша, возвещающей о смене караула. Нет, все, что я слышу, - это дребезжащий звук угля, сыплющегося из жестяного ведерка в чугунную печку, глухой хлопок пламени разгорающегося газового рожка, да позвякивание латунного кольца абажура, когда по улице проезжает автомобиль. Еще другие звуки: позвякивание корзины со связкой ключей, звон двух колокольчиков на парадной и черной лестнице и наконец, небольшой детский стишок. «Послушай-ка стишок о Мамрелен.» Стишок исковеркан, но все же в нем заключен весь искаженный мир детства. Мамаша, раньше обитавшая в стишке, уже исчезла, когда я услышал его в первый раз. Но еще труднее было отыскать следы Мамрелен. Иногда я угадывал ее в обезьянке, проступавшей на дне тарелки в дымке перловой крупы или саго. Я съедал до конца весь суп, чтобы ее образ наконец прояснился. Возможно, озеро Муммельзее было для нее домом, и его мутные воды покрывали ее, как серая пелерина. Что мне о ней рассказывали – или я вообразил, будто рассказывали, – не знаю. Немая, кружащаяся, пушистая, она была облаком в самой сердцевине вещей, как снежные вихри в маленьком стеклянном пресс-папье. Время от времени и меня закручивало в нем. В основном, когда я садился рисовать акварелью. Я смешивал краски, и еще до того, как я касался кистью бумаги, они окрашивали и меня. Намокшие, они стекали по палитре; и так я нежно касался их кистью, как будто это были облака, которые вот-вот рассеются. Из всего, что я воспроизводил, больше всего мне нравился китайский фарфор. Разноцветный слой покрывал вазы, сосуды, тарелки, жестяные банки, которые наверняка были всего лишь экспортной дешевкой. Тем не менее, я был очарован ими, как будто уже знал историю, которая спустя столько лет снова возвращает меня к рассказу о Мамрелен. История родом из Китая и рассказывает о старом художнике, который пригласил друзей посмотреть его новую картину. На картине был изображен парк и узкая пешеходная дорожка, ведущая вдоль ручья через рощу деревьев, заканчивалась у двери маленького коттеджа на заднем плане. Однако, когда друзья художника оглянулись в поисках его, они увидели, что он был на картине. Там он, пройдя по тропинке, ведущей к двери, остановился перед ней совершенно неподвижно, повернулся, улыбнулся и исчез в узком проеме. Точно так же и я, когда был занят своими баночками с красками и кистями, внезапно

Проза (немецкий язык)

Девиз: Provehito in Altum

оказывался перенесенным на картину. Я был похож на фарфор, в котором я оказывался в облаке красок.